

Анастасия Колмогорова
(Красноярск)

**«А ЧЬИ ТАМ ТАКИЕ СЕЧКИ?»,
ИЛИ ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ «МЫ-ОБРАЗА»
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЩЕНИЯ МАТЕРИ С РЕБЕНКОМ**

Интерпретируются результаты анализа коммуникативного взаимодействия матери с ребенком в русском национально-лингво-культурном сообществе. На материале авторского корпуса видеозаписей взаимодействия в диадах «мать-ребенок» выявляется ряд практик материнского общения, когнитивно-дискурсивный анализ которых обнаруживает их телеономичность. С помощью данных практик матери формируют в когнитивном опыте ребенка ценностные доминанты русской этнической картины мира. Подробно рассматриваются вербальные и невербальные средства реализации таких практик, описываются характеристики формируемых ценностных доминант.

Ключевые слова: этническая картина мира, ценностная картина мира, общение матери с ребенком, практика материнского общения, вербальные средства коммуникации, невербальные средства коммуникации.

Введение

Определив в свое время предмет этнопсихолингвистики как изучение вербальных и невербальных словарей и грамматик этнического поведения [12, с. 8], Ю. А. Сорокин отмечал, что этнос есть этнико-коммуникационная лингвокультурная сеть, которая является замкнутой диалогической сетью, внутри которой происходит

циркуляция культурем / менталем. При этом описываемая сеть характеризуется лингвокультурологической непрозрачностью и, тем самым, самодостаточностью и автономностью [12, с. 12]. Возникает вопрос: где и как формируется эта самодостаточная диалогическая сеть, внутри которой многие поступки, паттерны поведения являются само собой разумеющимися, не требующими дополнительных объяснений и особых индуктивных усилий со стороны «агентов» коммуникации. Откуда появляется та «когнитивная сцепка», которая обуславливает взаимное понимание ситуации и смысла в следующем обмене репликами:

А.: – Вы любите этого человека?

Б.: – Да был бы это **человек**, он разве бы так поступил!

(к/ф «Любовь и голуби»).

Со словоформой *человек* в этих случаях связывается совокупность ценностно окрашенных моделей поведения, которым должен следовать человек, согласно нормам данной этнокультурной общности.

Данная публикация ставит своей целью показать на материале предварительных результатов когнитивно-дискурсивного описания корпуса видеозаписей коммуникативного взаимодействия русских матерей со своими детьми одну из возможных методологий моделирования ценностной картины мира русского национально-лингвокультурного сообщества. Хотя инструментарий исследования является междисциплинарным, следует признать, что основу его составляет лингвистическая методология, поскольку нельзя отрицать, что вербальная составляющая — наиболее доступный для анализа «носитель» социального смысла.

1. Этническая и ценностная картины мира

Понятие картины мира — одно из наиболее разработанных в современных гуманитарных науках. Выделяют различные типы картин мира. Поскольку нас интересует специфика поведенческих установок и паттернов отдельного этноса, мы остановимся на понятии этнической картины мира.

«Этническая картина мира — сформировавшиеся на основании этнических констант, с одной стороны, и ценностных доминант, с другой, представления человека о мире — отчасти осознаваемые, отчасти бессознательные. В целом этническая картина мира есть проявление защитной функции культуры в ее психологическом аспекте»

[10, с. 228]. При этом под этническими константами понимаются три категории: 1) локализация источника зла; 2) локализация источника добра («мы-образ» и «образ покровителя»); 3) представление о способе действия, при котором добро побеждает зло. Этнические константы есть бессознательные формы, которые каждым этносом наполняются определенным содержанием, структурированным при помощи ценностных доминант. Система ценностных доминант формирует ценностную картину мира, где сочетаются «наиболее существенные для данной культуры смыслы <...>, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [6, с. 225]. Форма сохранения ценностной картины мира в языке — концепты, подлежащие регулярной вербализации. Однако являются ли они формой воспроизводства ценностных доминант этнической картины мира и единственной формой их объективации, доступной наблюдению исследователя? Концепт, скорее, можно считать редуцированным и аффективно окрашенным смыслом, фиксирующим релевантный для этноса и успешный для его адаптации опыт взаимодействия со средой. Это единица хранения знаний. Остается вопрос, что является единицей воспроизводства ценностных доминант в рамках этноса.

В последнее время в когнитивной психологии все большую популярность обретает направление, названное его авторами теорией распределенной когниции, которая зиждется на трех основных постулатах: 1) когниция распределена между членами социальной группы; 2) когниция распределена между внутренними и внешними (окружающая среда) по отношению к человеку системами; 3) когниция распределена во времени таким образом, что прошлые события оказывают влияние на события последующей индивидуальной жизни человека.

Дальнейшая конкретизация понятия приводит к выделению следующих его черт [18; 20]:

— распределенная когниция основана на феномене совместной деятельности коммуникантов (*joint activity*), в которой собственно языковые структуры выполняют второстепенные функции (*second order structures*);

— она находится в контексте аффективных реакций окружающих, в контексте реального времени и в социально значимом взаимодействии;

— в ее основе лежит «высказывательная активность» (*utterance activity*), формируемая в опыте социальной интеракции способность к осуществлению различных форм интенциональной активности в ответ на воздействия других участников общения;

– ее результат – формирование в рамках этнокоммуникационной системы так называемого «соглашения о мнениях и суждениях» (agreement of judgments), имплицитно существующего между членами одного национально-лингвокультурного сообщества.

Благодаря феномену распределенной когнитии, в коммуникации внутри этнокоммуникационной лингвокультурной сети (по Ю. А. Сорокину) постоянно происходит воспроизводство релевантных, разделяемых всеми членами сообщества моделей поведения, обеспечивающих взаимопонимание и успешное смыслопорождение / смыслоформулирование в рамках сети. Такие модели поведения являются актуализациями (если прибегнуть к собственно лингвистической терминологии) фрагментов ценностной и, как следствие, этнической картины мира.

2. Роль матери в воспроизводстве ценностных доминант культуры

В исследованиях школы возрастной психологии М. И. Лисиной и ее учеников (см. [9; 3]), посвященных развитию личности ребенка от 0 до 7 лет, не раз отмечалось, что коммуникативное поведение взрослого (в частности, матери) – важнейший фактор познавательного, мыслительного развития ребенка [9, с. 225]. Однако культурные функции материнской коммуникации – не менее важный аспект. Так, по мнению Г. Г. Филипповой, данные функции необходимы для достижения главной цели взаимодействия матери с ребенком – реализации потребности вида в продолжении рода. Однако «если для вида ребенок должен “вообще быть”, то для конкретного общества ребенок должен “быть каким-то”. <...> С этой точки зрения мать, реализующая потребность общества в “получении” нужной модели будущей личности, обладает качествами, обеспечивающими формирование у ребенка конкретных содержаний рабочей модели мира, себя в ней и “Другого”» [13, с. 100].

Исходя из этих теоретических предпосылок, мы выдвинули гипотезу о том, что в общении матери с ребенком происходит регулярная актуализация этнических стереотипов поведения² благодаря «практи-

² Термин «этнический стереотип поведения» введен Л. Н. Гумилёвым для обозначения «изменяющегося по ходу времени комплекса стандартов поведения членов этнической системы» [5]. Сопоставляя концепции этнической картины мира С. В. Лурье и этногенеза Л. Н. Гумилёва, И. В. Шапошникова [16] использует данное понятие как единицу описания этнической картины мира в определенный временной период ее существования, полагая, что «этнический стереотип поведения» позволяет объединить содержание констант этноса и их ценностных доминант.

кам общения» — специфическим сцеплениям актов вербальной и невербальной активности, используемым матерью в повседневном взаимодействии для формирования в когнитивном опыте ребенка релевантных для данного лингвокультурного сообщества моделей взаимодействия со средой. Лексема *практика* в используемом сочетании имеет смысловые связи, во-первых, с термином «праксис», используемым У. Матураной для обозначения опыта взаимодействия живого организма с окружающей средой, опосредованного телом и языком и происходящего в каждый момент жизни организма [19]. Во-вторых, слово *практика* частично имплицитно подразумевает смысловое содержание понятия *габитуса* у П. Бурдьё [17], как способа структурирования окружающего мира, порожденного предыдущим опытом социального (по преимуществу) взаимодействия индивида.

Критериями для выделения и / или идентификации практики общения послужили: а) наличие идентичного или близкого когнитивно-коммуникативного намерения у матери как субъекта общения; б) наличие повторяющихся вербальных или невербальных маркеров, обнаруживающих данное намерение. При этом использовались: методика качественно-количественного анализа, элементы конврсационного, лексико-семантического, морфологического, акустического анализа, методика когнитивного моделирования.

В качестве эмпирического базиса исследования выступил авторский корпус видео- и аудиозаписей общения русскоязычных матерей (от 21 года до 43 лет) с детьми от 0 до 10 лет общей длительностью 61 ч 26 мин. Основной метод сбора материала — включенное наблюдение.

3. Репрезентация этнической константы «локализация добра» и ее ценностных доминант в общении матери с ребенком

Этническая константа «локализация добра» (по С. В. Лурье) распадается на две субкатегории: «мы-образ» и «образ покровителя». «Мы-образ», то есть представление о субъекте действия, и «образ покровителя», то есть представление об условии действия, определяют характер действия человека и тип взаимосвязи между членами коллектива. Ценностные доминанты в рамках категории «локализация добра» призваны ответить на вопросы: зачем мы такие? зачем и для чего мы поступаем именно так?

Какой «образ себя» или «мы-образ» формируется во взаимодействии матери с ребенком? Наблюдения за нашим корпусом исходных данных

показали, что формирование отмеченной этнической константы в общении матери с ребенком в рамках русского национально-лингвокультурного сообщества проявляется на трех уровнях (или стадиях):

- 1) формирование семиотически отмеченного образа (концепта) собственного тела;
- 2) формирование образа собственного «социального тела» и его границ;
- 3) формирование образа социального субъекта деятельности.

3.1. Формирование семиотически отмеченного образа (концепта) собственного тела

Одна из наиболее частотных и типичных практик материнского общения с ребенком в возрасте от 0 до 1 года — практика формирования любви к собственному телу.

Общаясь с детьми первого года жизни, матери чрезвычайно часто используют в своей речи, обращенной к ребенку, лексемы-названия частей тела. При этом отмечаются две общие особенности: соответствующие словоформы находятся либо попеременно, либо одновременно в притяжательных (*чей это (ротик)? наши (щечки)*) и эмфатических конструкциях, передающих эмоцию восхищения-удивления или восхищения-одобрения:

1) диада №32: мама — 24 года, сын — 3 месяца; мама делает ребенку массаж:

/ вот они, наши ножки / вот они, наши ножки / хорошие такие ножки! /

2) диада №19: мама — 33 года, дочь — 6 месяцев; мама умывает ребенка на пеленальном столе:

/ три щечки / где наши щечки? /

Анализ осциллограмм подобных речевых фрагментов показал, что формы лексем, обозначающих части тела ребенка, произносятся матерями, как правило: 1) на динамических пиках и мелодических вершинах, т.е. громче и выше, чем все остальные сегменты; 2) медленнее, чем другие сегменты.

Фонетическим явлением, маркирующим номинации частей тела в речи матери, является палатализация и замена переднеязычных нёбно-зубных согласных переднеязычными зубными при произнесении словоформ лексем-названий частей тела. Так, *ножки* (пример 1) произносятся как [н'јо:ш'к'и] — заметна ненормативная палатализация всех согласных, являющаяся результатом дополнительного (к основной ар-

тикуляции) подъема средней части языка к твердому нёбу. Как следствие смягчения согласного перед [o] между согласным и гласным появляется небольшой глайд [jo]. Аналогичный фонетический процесс происходит и при произнесении словосочетания *носик курносый* (пример 3) – [н'јос'иккур'н' јос'иј].

3) диада №16: мама – 22 года, дочь 8 – месяцев; мама разговаривает с ребенком, лежащим на кровати:

/ это чей такой носик курносый-а? /

Передвижение согласных из переднеязычных нёбно-зубных в переднеязычные зубные зафиксировано для щелевых и аффрикат: ж → з' [з'ивот'ик] (пример 4); ш' → с' [с'јот'к'и] (пример 2, 6); ч → т' [кулат'јок] (пример 7):

4) диада №27: мама – 22 года, сын – 10 месяцев; мама делает массаж:

/ ой какой зивотик / ой наш зивотик / такой хороший зивотик /;

5) диада №35: мама – 24 года, дочь 3 – месяца; мама разговаривает с ребенком:

/ ой какие сёчки /.

6) диада №6: мама – 23 года, сын 3 – месяца:

/ чей кулатёк такой кусный? / (чей кулачок такой вкусный).

Подчеркнем, что ненормативная палатализация и передвижение согласных от нёбно-зубных к зубным – явления коммуникативно-прагматического порядка, они являются маркерами «ласкательности» в коммуникативной позиции «старший → младший» (подобные явления, кстати, в той же функции можно наблюдать в общении хозяев со своими домашними питомцами).

Лексическую основу данной практики составляют существительные, обозначающие части тела человека, но выборка таких номинаций имеет фиксированный характер: *нос, уши, глаза, щеки, ноги, кулак, живот, пятки*. Ограниченность и воспроизводимость данного списка лексем свидетельствуют об их семиотической отмеченности. Если семиотическая концептуализация тела – это модель того, что и как обычный, не искусственный в науке носитель языка говорит о теле и других телесных объектах, а также того, как человек пользуется телом в устных коммуникативных актах (самых разных по тематике и жанру) [7, с. 43], то семиотическая отмеченность – это качество ментальных репрезентаций тех телесных объектов, которые чаще всего выполняют функцию знаков либо оказываются представленными при помощи знаков другой природы (например, вербальных). Нос, уши, глаза, щеки, ноги, кулак, живот, пятки – телесные объекты, которые выполняют важнейшие нефизиологические, биологически обусловленные

функции [1], кстати, часто проговариваемые матерями (*Где наши ножки, чтобы бежать по дорожке?*), информационные функции (*А где наши глазки, а куда они смотрят?*), симптоматические (щеки как показатель здоровья — *Чьи это такие хомячки сёчки?*), эстетические (*У кого такие красивые глазки?*), а посему являются одними из наиболее частотных лексем-номинаций частей тела по данным НКРЯ (Национальный корпус русского языка). Однако следует обратить внимание и на то, что именно указанные телесные объекты выполняют важнейшие культурно-символические функции, о чем свидетельствует анализ библейских текстов и русской фразеологии. Так, глаза во фразеологической картине мира символизируют: 1) зрение; 2) внимание, направленное на тот или иной объект; 3) знание, опыт; 4) искренность / неискренность; 5) меру полноты, избыточности чего-либо; 6) магическую силу [4, с. 160]. Глаза, таким образом, — «выход», через который внутреннее «Я», душа человека соприкасается с энергетикой внешнего мира. Ср.: «В молитве, например, глаза выступают в роли посредника между внутренним миром человека и миром, внешним по отношению к нему» [8]. Ту же посредническую функцию в библейских текстах выполняет ухо — *Имеющий уши да услышит*. Кроме того, в составе фразеологизмов *тянуть за уши*, *по уши в чем-либо* обнаруживается способность ушей выступать в качестве знака телесного верха, на основе ориентационной метафоры выражающих значение меры полноты, избыточности.

Что касается лексемы *нос*, то обозначаемый ею орган занимает особое место в телесном коде русской культуры, являясь знаком границы внутреннего пространства человека [4, с. 238]. Другая граница — нижняя — маркируется соматизмом *пятки* (ср.: *с головы до пят, душа ушла в пятки*). Интересен в этом смысле следующий пример [8]: пренебрежение малозначимыми заповедями в тексте Торы определяется соматизмом, означающим на иврите буквально 'попирает (или пинает) пятой (пяткой)'. «Отдаваться служению Богу следует целиком, с головы до пят, то есть от самой верхней до самой нижней части тела», — отмечает Г. Е. Крейдлин.

Щеки же являются пространством социального контакта — *коснуться щеки, поцеловать в щеку, щекой тереться, не отрывать щеки*. Ср. в библейских текстах: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5: 39).

Живот концептуализируется как точка локализации жизни человека, средоточие жизненных сил, метонимически приравнивается к самой жизни: *не жалея живота своего; во вся дни живота своего; и весь живот свой Христу Богу предадим*.

Соматизм *кулачок*, в отличие от предыдущих примеров, обозначает не часть тела, а жест. Анализ сочетаемости лексемы *кулак* по данным НКРЯ позволяет предположить, что в телесном коде русской культуры данный соматизм имеет значение средоточия внутренней энергии человека — *собрать волю / силы / кишки / обиду / горечь / решимость в кулак*, — размер которой чем больше, тем лучше (*большой кулак, нарастить кулак*), а ее демонстрация является социальным жестом, имеющим большую силу влияния (*ударить кулаком, показать кулак*). Однако очевидно, что это гендерно маркированный соматизм, поскольку в нашем корпусе он актуализировался только в речи матерей, обращенной к мальчикам.

Названия частей тела часто сопровождаются эпитетами — общеоценочными (*хороший*) и частнооценочными (эстетической (*красивый*) и сенсорно-вкусовой (*вкусный*) оценки [2, с.198]), а также притяжательными местоимениями *наш / наши*: *наши ножки, наши щечки, наш животик*. Отметим также частое употребление указательного местоименного прилагательного *такой*, восклицательного местоименного прилагательного *какой*, междометия *ой* со значением удивления, указательных местоимений *вот, это*, вопросительных местоимений *чей, у кого, где*.

Таким образом, лексическое наполнение подобных реплик матери выводит на первый план кластер концептуальных признаков: «указание-демонстрация», «часть тела», «эмоция удивления-радости», также в этих условиях наблюдается актуализация категории владения.

Наличие «каскадности» в синтаксической структуре высказывания (с небольшими видоизменениями оно повторяется иногда до 5–6 раз) в сочетании с жестами касания, контактом «глаза в глаза» и коммуникативными жестами призвано сфокусировать внимание ребенка на тех частях тела, которые мы назвали семиотически отмеченными.

3.2. Формирование образа собственного «социального тела» и его границ

Привычным и приемлемым в социальном взаимодействии большинства членов русского национально-лингвокультурного сообщества являются регулярные «проникновения» в жизнь другого: считается обычным начать телефонный разговор с человеком, входящим в социальную зону приятелей, друзей, членов семьи, репликами типа: *А ты где сейчас? Что делаешь?* Или в процессе неопосредованного общения часто звучат высказывания: *О чем задумалась? Куда смотришь? Что молчишь?* Подобного рода запросы информации воспринимаются рус-

скими совершенно нормально, однако, будучи обращены в процессе межкультурного взаимодействия к представителям, скажем, французской лингвокультуры, такие вопросы вызывают социальное отторжение и часто введут даже к разрыву коммуникации. Такая «проницаемость» социальных оболочек была убедительно проиллюстрирована Л. В. Цуриковой (см. [14]) на примере коммуникативной ситуации «угощение». В британской лингвокультуре, где персональные социальные оболочки непроницаемы, отказ от угощения принимается сразу и предложения попробовать что-либо, поесть, попить более не возобновляются, в то время как в русской среде предложения поесть или выпить повторяются до тех пор, пока первоначально отказавшийся гость наконец не согласится. Следующая из рассматриваемых нами практик общения как раз свидетельствует о формировании такой социальной прозрачности / проницаемости уже в материнском взаимодействии с ребенком.

В процессе наблюдения мы отметили высокую частотность следующего типа вопросительных высказываний, обращенных к ребенку (от 0 до 1 года — часто, далее частотность снижается, но вновь актуализируется от 7 лет и далее):

7) диада №35: мама — 24 года, дочь — 3 месяца:

/ куда ты там смотришь / что ты там увидела? //;

8) диада №6: мать — 23 года, сын — 3 месяца:

/ что там ты всё рассматриваешь? //;

9) диада №16: мать — 22 года, дочь — 8 месяцев:

/ о чем ты думаешь / о чем думаешь? //;

10) диада №33: мать — 33 года, дочь — 6 месяцев:

/ чего делать собираешься? //

При этом отметим, что, как правило, высказывание имеет контаминированный интонационный рисунок, в котором слышатся интонации как вопроса, так и императива. К характерным для данной практики явлениям можно отнести гиперудлинение ударного гласного в глагольной словоформе: *смо-о-отришь, уви-и-идела*. Можно предположить, следуя принципу иконизма, что удлинение может символизировать увеличение некоего пространства, в нашем случае — расширение пространства «социального тела» ребенка за счет проникновения в него другого члена сообщества.

То же расширение пространства «социального тела» ребенка наблюдаем в невербальном поведении матери в момент реального осуществления данной практики. Часто это происходит, когда мать толь-

ко что вошла или подошла к ребенку, отвлекшись на несколько секунд: мать приближает свое лицо к лицу ребенка, ловит его взгляд, внимательно смотрит на него, слегка приподняв брови и наклонив весь корпус вперед. Данная практика актуализируется тогда, когда у ребенка отсутствует контактный взгляд: он смотрит не на мать, а на что-то другое. Интересно, что в рамках данной практики мать всегда обращается к ребенку, используя местоимение *ты*, в то время как в рамках других практик частотно употребление объединительного *мы*. Полагаем, это происходит по той причине, что мать концептуализирует ребенка в данный момент как отдельного социального субъекта с независимым от нее «социальным телом».

Для лексического наполнения подобных реплик матери характерно также наличие вопросительных наречий *куда, что, о чем*, а также глаголов лексико-семантических групп глаголов зрительного восприятия (*смотреть, рассматривать*), мыслительной активности (*думать*), деятельности (*делать*).

3.3. Формирование образа социального субъекта деятельности

При наблюдении за общением матери с ребенком в рамках наших корпусных данных мы обратили внимание на три разновидности коммуникативного поведения матери, связанные с актуализацией категории субъекта деятельности, и условно обозначили их как *псевдо-агентив, совместный агентив* и *псевдосовместный агентив*.

Псевдоагентив. Совершая какие-либо действия с ребенком (почистить уши, помыть глаза, переодеть, поменять подгузник) мать, оформляя высказывание, ставит имя ребенка в позицию агентива (мы назвали такую особенность «псевдоагентивом»). Ср.:

11) диада №19: мама — 33 года, дочь 6 — месяцев; мама проводит утренние процедуры с ребенком на пеленальном столе:

/ чистую Катя маечку сейчас оденет //

12) / Вот Катя ушки почистила //

Совместный агентив. Он используется непосредственно перед выполнением какого-либо действия, в котором мать выступает в роли агенса, а ребенок — пациенса. Мать как бы прогнозирует это действие, представляя его как согласованное взаимодействие одинаково активных субъектов. Ср.:

13) диада №18: мама — 33 года, сын — 2 года; мама открывает книгу:

/ сейчас читать будем //

Или перед тем как в ванной приступить к обтиранию ребенка:

14) диада №6: мама — 23 года, сын — 3 месяца:

/ спинку будем вытирать //

При этом согласное, послушное (хотя и пассивное) поведение ребенка (скажем, он не сопротивляется обтиранию) демонстрирует удовольствие от этого процесса, поощряется похвалой, ласковой интонацией, повторением имени ребенка.

Псевдосовместный агентив. Часты случаи, когда действие выполняет именно ребенок, а мать лишь находится рядом, но она обозначает ситуацию при помощи «совместного» агентива, используя местоимение *мы*:

15) /мы сейчас на животик еще с тобой ляжем//;

16) /а куда мы смотрим?//

Коммуникативных фрагментов, иллюстрирующих данные модели, было собрано более 110 единиц (общим объемом звучания 3 ч 11 мин).

При этом в вербальном аспекте для данной практики характерны интонационное выделение глагольных лексем, обозначающих действие; использование в позиции агентива имени собственного того, кто сам действие не выполняет, но присутствует в ситуации, либо «совместного» *мы*. Также в этих условиях отмечается референционально смещенное употребление личных местоимений, употребление наречий, обозначающих момент в будущем-настоящем или указывающих на только что полученный результат. Наблюдается и использование морфологической формы будущего времени глаголов.

Невербальный модус характеризуется особым комплексом семиотически значимых движений: контактный взгляд в сочетании с выполнением какого-либо действия над партнером по взаимодействию с ним или вместо него. При этом важно, что в ситуациях псевдоагентива и псевдосовместного агентива, когда имеет место референциональное смещение субъекта, действует один, а в качестве субъекта обозначается другой, — оба держат в руках какой-либо один общий предмет (или прикасаются к нему).

В результате было выдвинуто предположение о том, что в данных типах коммуникативного поведения матерью в когнитивном опыте ребенка формируется установка на то, что физическое тело субъекта действия может не совпадать с социальным «телом» деятеля: в отдельные моменты, когда несколько человек тесно связаны между собой отношениями социальной зависимости, реальный субъект действия теряет свою значимость, а взаимодействующие лица образуют единое субъектное целое, в рамках которого фокус деятеля может свободно перемещаться.

Анализируя подкорпус устной речи НКРЯ, а также делая собственные записи устной речи, мы обнаружили аналогичные примеры:

а) псевдоагентив: в телефонном разговоре с родственницей мать хочет, чтобы сын тоже с ней поговорил, хотя он такого желания не обнаруживает:

17) /*Маиш / да / ну ладно / щас Сашка хочет с тобой поговорить / щас он трубку берет //* (женщина протягивает сопротивляющемуся сыну трубку, а затем и вкладывает ее ему в руку) (из записей устной речи);

б) совместный агентив, где *мы* имеет общенациональное объединительное значение:

18) *Хорошо / что мы стали объединяться в борьбе с этим злом / терроризмом. Как говорится / не было счастья / да несчастье помогло [жен. 35]. Очень порадовало / что мы в Афган не вошли [муж. 27] (Беседа в Воронеже // Фонд «Общественное мнение», 2001. – НКРЯ);*

в) псевдосовместный агентив: инспектор ДПС останавливает автомобиль, за рулем которого женщина, а в качестве пассажира — ее муж. При этом муж, выходя из машины, начинает диалог с инспектором следующим образом:

19) / *командир / мы вроде ничего не нарушили? мы сейчас покажем документы* (жена достает документы и протягивает инспектору),

а заканчивает: / *мы можем ехать? //*

Мы полагаем, что смещение фокуса субъекта деятельности коррелирует с определенной коммуникативной ролью, которую берет на себя говорящий (*я*) — «ведущий за собой, лидер», «опекун», «сопричастный», а также с набором определенных речевых маркеров (см. табл.).

Корреляции деятельности, социальной и коммуникативной реализаций субъекта деятельности

Деятельность	Социальные отношения	Коммуникация	
		Коммуникативные роли	Речевые маркеры
я — агенс, ты — пациентс; <i>в фокусе деятеля</i> — пациентс	ты слаб — я забочусь; ты зависим — я решаю	ведущий за собой, лидер	интонационное выделение глагольных лексем, обозначающих действие, в грамматическом значении будущего времени; использование имени собственного пациента в позиции агента, использование наречия времени <i>сейчас</i>

Продолжение табл.

Деятельность	Социальные отношения	Коммуникация	
		Коммуникативные роли	Речевые маркеры
я – агенс, ты – пациентс / наблюдатель / находишься вне деятельности либо: ты – агенс, я – пациентс / наблюдатель / нахожусь вне деятельности <i>в фокусе деятеля</i> – оба	ты есть часть моей группы – я есть часть твоей группы	сопричастный	использование «совместного» <i>мы</i> , глаголов действия, преимущественно в прошедшем и настоящем абстрактном (повторяющемся) времени, а также предикатов воли и желания
ты – агенс, я – наблюдатель <i>в фокусе деятеля</i> – оба	ты неопытен – я опекаю	опекун	использование «совместного» <i>мы</i> с признаками референционального смещения

Однако данные коммуникативные корреляции не самостоятельны, а восходят к категории соборности как важнейшей характеристики «образа покровителя». Российская соборность есть не только растворение «я» в «мы», но и социальная ориентированность (общинность), которая проявляется в доверии и взаимопомощи, регламентированности отношений не законом, а нравственностью [11].

Заключение

На примере трех практик материнского общения, выделенных на основе анализа имеющегося корпусного материала, мы предприняли попытку обосновать гипотезу о том, что доминанты ценностной картины мира, структурирующей жизнь этноса, национально-лингвокультурного сообщества, формируются во взаимодействии матери с ребенком.

Известный психоаналитик Н. Чодороу отмечает, что материнская мотивация и материнская установка не являются ни продуктом биологии, ни результатом произвольного ролевого научения, но циклически самовоспроизводятся в общении матери с дочерью [15, с. 13].

Данная посылка в общем соответствует нашему предположению о том, что релевантные для некоторого сообщества паттерны поведения должны формироваться у ребенка в общении с матерью, а мать, в свою очередь, усваивает способы формирования данных паттернов подсознательно, еще не будучи таковой, посредством общения в рамках лингвокультурного сообщества.

В проанализированном материале мы увидели, как в коммуникативном пространстве мать-ребенок формируется константа этнической картины мира «мы-образ / образ покровителя».

В практике формирования любви к собственному телу создается семиотически отмеченный культурно-специфический концептуальный образ физического тела как самой глубинной и первоначальной основы «мы-образа». В этом плане фиксируются верхняя (уши), нижние (пятки) и внутренние (нос) границы телесного пространства, точки социального контакта (щеки) и контакта между тварным и духовным мирами (уши, глаза), точки телесного средоточия духовной субстанции воли (кулак) и жизненной силы (живот).

В практике формирования социальной прозрачности происходит конструирование в когнитивном опыте ребенка образа собственного «социального тела» и его границ. Социальное тело оказывается легко проницаемым для других членов сообщества, но оно может быть «расширено» за счет такого проникновения. В данном контексте видится реализация этнического стереотипа общинного поведения. Достаточно вспомнить таинство исповеди, начинающееся с ритуального поклона приступающего к исповеди перед всеми остальными прихожанами, символизирующего просьбу к «миру» простить за всё.

В практике формирования образа социального субъекта деятельности продолжают усваиваться этнические стереотипы поведения, связанные с ключевой для русской культуры идеей соборности. Субъект деятельности концептуализируется как категория с «плавающим» фокусом деятеля, где границы между «я-ты-они» размываются под воздействием другого структурирующего фактора — социальных отношений: «ты слаб — я забочусь» (сценарий помощи); «ты есть часть моей группы — я есть часть твоей группы» (сценарий сопричастности); «ты неопытен — я опекаю» (сценарий наставничества).

В данной публикации представлена лишь часть собранного и проанализированного материала, дальнейшая работа с которым позволит подтвердить и конкретизировать выдвинутую гипотезу.

Список литературы

1. Аркадьев П. М., Крейдлин Г. Е. Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела) // Сборник научных работ к 80-летию Ю. Д. Апресяна. М., 2010. С. 41 – 53.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Возрастная и педагогическая психология : тексты. М., 1992. С. 210 – 229.
4. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. М., 2007.
5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1994.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
7. Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов // Вопросы филологии. 2010. №2 (35). С. 42 – 51.
8. Крейдлин Г. Е. Библейские соматизмы: квалификация и оценка. 2015 (в печати).
9. Лисина М. И. Формирование личности ребенка в общении. СПб., 2009.
10. Лурье С. В. Историческая этнология : учеб. пособие для вузов. М., 1997.
11. Пестрецов А. Ф. Соборность – константа русского национального самосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2008. №1 (9). С. 176 – 182.
12. Сорокин Ю. А. Этнос, сознание, культура, язык // Социальная психоллингвистика : хрестоматия. М., 2007. С. 8 – 36.
13. Филиппова Г. Г. Психология материнства : учеб. пособие. М., 2002.
14. Цурикова Л. В. Cognitive Aspects of Pragmatic Transfers in Subordinate Bilinguals // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2011. Вып. VIII. С. 228 – 230.
15. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. М., 2006.
16. Шапошникова И. В. История английского языка : учеб. пособие. М., 2011.
17. Bourdieu P. Structures, Habitus, Practices // The Logic of Practice. 1990. P. 52 – 65.
18. Cowley S. J. Bridges to history: biomechanical constraints in language // Integrational linguistics and history. London, 2006. P. 200 – 223.
19. Maturana H., Varela F. The Tree of Knowledge – The Biological Roots of Human Understanding. Boston, 1987.
20. Spurrett D., Cowley S. J. How to do things without words // Language Sciences. 2004. Vol. 26, N 5. P. 443 – 466.

Anastasia Kolmogorova

**THE VALUE FUNDAMENTALS OF THE “WE IMAGE”
IN RUSSIAN CULTURE THROUGH THE PRISM
OF MOTHER-CHILD COMMUNICATION**

This article interprets the results of an analysis of communicative interaction between a mother and a child in the Russian national linguistic and cultural community. Based on the author’s video corpus of interactions in the mother-child dyads, a number of maternal communication techniques are identified, which are proven to be teleonomic using a cognitive discursive analysis. Using these techniques, mothers create value fundamentals of the Russian ethnic picture of the world in the cognitive experience of a child. The article examines verbal and non-verbal means of implementing such techniques and characterises the developed value fundamentals.

Key words: *ethnic picture of the world, value picture of the world, mother-child communication, maternal communication technique, verbal means of communication, non-verbal means of communication.*